

П.А. БУГАЕНКО – УЧЁНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК, ПЕДАГОГ

Мысль А.С. Пушкина о том, что нет истины, где нет любви, применима ко всем сферам человеческой жизни. К гуманитарной науке тоже. Благодарная память, любовь к нашим учителям позволяет ближе подойти к истине их жизни, их трудов.

25 июня 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Павла Андреевича Бугаенко, основателя и бессменного в течение четверти века руководителя кафедры советской литературы.

Судьба Павла Андреевича вобрала в себя три четверти XX века – утопического, трагического, но и, как все века, повседневно-жизненного. Павел Андреевич прожил свою жизнь честно, достойно и созидательно. Делом всей жизни, как он сам говорил, стала литература. Учёный, педагог, литературный критик, он хотел «чувствовать себя содеятелем» своего времени. В этом была и радость и источник мучительных сомнений: героическое, как вначале казалось, время всё больше ощущалось как трагическое, диктат совести всё чаще противостоял диктату эпохи. Только сейчас по-настоящему можно понять (да и то лишь в какой-то части) драму многих «рядовых участников литературной жизни», к которым причислял себя П.А. Бугаенко.

Он родился 25 июня 1908 г. в Петербурге в семье морского офицера, но почти вся его дальнейшая жизнь была связана в Волгой. В 1925 г. он окончил педагогическое училище в городе Николаевске Сталинградской области; в 1926 г. поступил на педагогический факультет Саратовского университета. Студента увлекали лекции А.П. Скафтымова, его филигранный анализ произведений Чехова, Толстого, Чернышевского; фактичность, обилие материала в лекциях В.В. Буша, знатока 60-х гг. XIX в., народничества; яростная полемика по проблемам литературной современности на лекциях Л.Г. Лелевича. Притягивало многообразие форм, направлений литературной жизни. Большое впечатление произвели на студенчество выступления в Саратове А.В. Луначарского в апреле 1927 г. Павел Андреевич вспоминает о них в своей книге «Дело моей жизни». Много спорили филологи и о выступлениях В.В. Маяковского в Саратове в январе 1927 г.¹

В 1930 г., еще до окончания университета, П.А. Бугаенко был отозван для работы директором педучилища в Балашове, потом работал директором средней школы в Саратове, заместителем заведующего Саратовским облоно и гороно. (Сдать экстерном экзамены за университет Павлу Андреевичу удалось только после войны, в 1946 г.) Он был отличным организатором, но главное, он был талантливым педагогом. Ученики были покорены не только знаниями учителя, но и его влюблённостью в литературу, его дружеским расположением к ним. Профессор В.В. Пугачёв (ученик 16-й школы) вспоминал, как заворожил

Павел Андреевич их, шестиклассников, романом Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Внимание к школе Павел Андреевич пронёс через всю жизнь, строго требовал его и от вузовских преподавателей. И в школе, и в университете он был не педагогом-инженером, конструирующим ученика, но педагогом-садовником, бережно выращивающим его.

До войны начал П.А. Бугаенко и литературно-критическую деятельность – и тоже на всю жизнь. Начинать он рецензиями в журнале «На культурном фронте», который издавался тогда в Саратове.

Всё оборвала война. Вначале – «незначимая», как писал Твардовский, финская, а затем Великая Отечественная. П.А. Бугаенко был заместителем начальника штаба 47-й танковой дивизии, помощником начальника 5-й гвардейской танковой бригады. При выходе из окружения под Харьковом в мае 1942 г. попал в плен, был в лагерях для военнопленных, в марте 1945 г. бежал из плена, в апреле перешёл линию фронта, претерпел «госпроверку» и до конца жизни ощущал след недоверия со стороны «инстанций». Гвардии майор Бугаенко, награждённый орденом Красной Звезды, полной мерой познал и героизм и трагизм войны.

После войны, работая (по рекомендации А.П. Скафтымова) с 1946 по 1949 г. заместителем директора Дома-музея Н.Г. Чернышевского, Павел Андреевич окунулся в богатые архивные материалы, основательно изучил пласт русской культуры, связанный с именем Чернышевского, защитил в 1952 г. кандидатскую диссертацию «Проблема общественно-преобразующего значения литературы в эстетической теории Чернышевского». Очень важна была для учёного встреча с Ю.Г. Оксманом, работа под его руководством над двухтомником «Воспоминания о Чернышевском».

Размышляя о работе Ю.Г. Оксмана в Саратове, М.О. Чудакова и Е.А. Тоддес высказывают очень перспективную мысль: «Было бы интересно проследить по записям лекций, воспоминаниям слушателей, как учёный согласовывал свои колоссальные знания русского XIX века, революционного движения и общественной борьбы с официальными схемами, – и сравнить, что здесь было сходного с 30-ми годами и в чём заключались различия. (Более сложный вопрос – какую роль в таком согласовании и в 30-е и в 40-е годы играла дореволюционная либерально-демократическая традиция “общественнического” понимания литературы и как она ассимилировалась новой идеологией.)»².

Думается, дело не только в ассимиляции традиции идеологией. Серьёзные учёные-гуманитарии стремились понять отечественную историю, историю литературы на основании богатых, проверенных фактов, неизвестных архивных

материалов, а не конъюнктурных схем. Но сама методология советской историографии и истории литературы была заложена ещё до революции – в той самой «общественнической» парадигме. Разница между советской и «подсоветской» гуманитарной наукой определялась не принципиальным различием в подходах, а масштабом таланта, уровнем профессионализма и, прежде всего, личной исследовательской честностью каждого учёного. П.А. Бугаенко был из числа тех, кто стремился к научной добросовестности, честности. Но он, как и его учителя, был человеком своего времени.

В Саратовском университете П.А. Бугаенко работал с 1949 г. и до конца жизни в 1983 г. Не раз он говорил и писал об определяющей роли в его творческой биографии саратовской филологической школы и 20-х–30-х и 50-х гг., А.П. Скафтымова, сотрудников кафедры русской литературы. В 1958 г. в СГУ была открыта кафедра советской литературы. Её первым и бессменным в течение 25 лет заведующим был Павел Андреевич. Приоткрывшиеся в годы «оттепели» возможности исследования литературы 20-х гг. учёные кафедры использовали так активно, что нередко шли по краю «допустимого». Многоцветная картина литературной жизни 20-х гг. увлекала и студентов, и аспирантов. Сам П.А. Бугаенко, как только стало возможно заниматься Луначарским, работать в архивах, окунулся в эту работу со всей исследовательской страстью. С юности находился он под обаянием встреч с Луначарским, его статей, видел в нём продолжателя традиций революционно-демократической критики. Книги П.А. Бугаенко «А.В. Луначарский и литературное движение 20-х годов» (1967), «А.В. Луначарский и советская литературная критика» (1972), насыщенные богатым фактическим материалом, вызвали интерес и в нашей стране, и в Англии, Германии, Чехословакии. В 1967 г. в Киеве Павел Андреевич защитил докторскую диссертацию «А.В. Луначарский и литературное движение 1920-х годов». Многое сейчас и в деятельности Луначарского, и в литературе 20-х–30-х гг. XX в. видится нам иначе, чем виделось П.А. Бугаенко в 60-е–70-е гг. Прежде всего, конечно, в силу движения времени, новых возможностей знания, но, в какой-то мере, и в силу заложенной учителем устремлённости к научной истине.

Но и в те годы приоткрылось ему принципиально важное. Помню, как потрясён он был письмами Короленко к Луначарскому, прочитанными в архиве (до официальной публикации оставались годы), как только самым близким ученикам мог рассказать о них.

И в середине XX в., и позже учёные-гуманитарии, честно работавшие с материалом, в той или иной мере переживали драму, о которой ещё будет написано.

П.А. Бугаенко было присуще острое чувство современности. Он обращался к ней и как учёный, и как литературный критик, член Союза писателей

СССР, и как лектор. Долгие годы шёл он через современность, становящуюся постепенно историей, вглядываясь зорко в плодотворное, живое в ней. Много писал Павел Андреевич о творчестве волжан. Особенно интересовался творчеством К.А. Федина, его саратовскими истоками. С Фединым связывали Бугаенко десятилетия дружбы, переписка, литературные споры. Творчество Федина посвящены книги: «Мастерство Константина Федина» (Саратов, 1959), «Константин Федин и Саратовская земля» (Саратов, 1977, 1982), «Константин Федин. Личность. Творчество» (Саратов, 1980), «Романическая трилогия К.А. Федина» (Москва, 1981). По инициативе П.А. Бугаенко в Саратове был создан Музей К.А. Федина. Время выверило масштабы. «Советский классик» ныне открылся как одарённый писатель 20-х гг., деформированный советскостью, но всё-таки писатель, а не литературный чиновник; высветились иные, чем раньше, культурные контексты его произведений. Богатейший архив Федина, переданный Музеем дочерью писателя, Н.К. Фединой, даёт всё новые возможности понимания литературной жизни XX в., культуры Саратова. Чем больше стирается идеологический налёт, тем виднее человеческие отношения, «факультативные» черты и 20–30-х и 60–70-х гг. XX в. Ценимое Павлом Андреевичем взаимодействие литературоведения и краеведения стало направлением исследований и его учеников.

Университет был главным делом П.А. Бугаенко, профессора, заведующего кафедрой, проректора по учебной работе (1963–1971), исполняющего обязанности ректора (с 20.11.1969 по 11.12.1970). На филологическом факультете Павел Андреевич читал курсы «История советской литературы», «История литературной критики», «Теория литературы», спецкурсы по литературе и журналистике. Именно он и профессор Я.И. Явчуновский были инициаторами подготовки журналистов на факультете. Результаты интенсивного изучения литературы и критики 20-х гг., современной литературы сотрудниками кафедры публиковались в серийном издании «Проблемы развития советской литературы», известном далеко за пределами Саратова, в книгах, сборниках, отражались в докторских и кандидатских диссертациях. Другим учебным и научным направлением деятельности кафедры была теория литературы. И тут заведующий кафедрой давал свободу молодым сотрудникам, осваивающим новые тогда методы структурального, семиотического анализа. Даже далёкие ему идеи учеников, если они были серьёзно аргументированы, вызывали не протест, а уважение, даже порой восхищение учителя. Помню, как радовался Павел Андреевич после моей лекции по структуральному анализу. На конференциях в Москве, Ленинграде, поволжских городах выступали почти все члены кафедры. Павел Андреевич умел в каждом сотруднике найти сильную исследовательскую черту, каждому

дать возможность участвовать в коллективных проектах.

П.А. Бугаенко был талантливым организатором науки. С 1970 г. он руководил Главным советом по филологическим наукам, координирующим исследовательскую работу филологических факультетов всех российских университетов. Многие учёные по всей России благодарны П.А. Бугаенко за конференции, издания, коллективные труды, которые объединяли умы, выдвигали новые литературоведческие проблемы.

Много сил отдавал Павел Андреевич работе со студентами; из его семинара вышли талантливые литературоведы, преподаватели вузов, известные журналисты, музейные работники, педагоги. Имя Павла Андреевича объединяет сотни людей, благодаря ему определивших свою судьбу. В трудные минуты студенты шли к нему за помощью. Порой – неожиданной. В 1981 г. студенты-филологи решили провести большой вечер, посвящённый творчеству Высоцкого. Партком не давал разрешения. Тогда профессор Бугаенко взял ответственность на себя – и вечер состоялся. Было невероятно много народа, но всё прошло «благополучно».

Человек острой, быстрой реакции на новое в литературе, Павел Андреевич любил сопоставлять свои взгляды с эстетическими реакциями молодых. «Как Вам новый роман Трифонова?» – вдруг перебивал он разговор о текущих учебных делах. Подробно расспрашивал руководителей научных студенческих кружков «Новинки современной прозы» и «Новая современная поэзия»: «Ну, что думают ваши первокурсники, чем больше всего интересуются?». Он любил молодёжь, радовался всему смелому, талантливому в ней.

Искренне, деятельно интересовался П.А. Бугаенко жизнью Саратовской писательской организации, творческим ростом журнала «Волга». Он был благородный человек – принципиальный и великодушный. Н.Е. Палькин вспоминал, как поддержал его в трудные дни Бугаенко, хотя и не был согласен с ним в оценке статьи М. Лобанова «Освобождение», вызвавшей «организационные меры», как тогда говорили, по отношению к журналу и его главному редактору Палькину. Многие писатели помнят дружески-требовательные, доказательные статьи, рецензии, устные выступления Бугаенко, помнят, как любил он организовывать встречи студентов с саратовскими поэтами и прозаиками, как «спасал» порой гостя от максималистки настроенных юных филологов.

Литературно-критические статьи П.А. Бугаенко публиковались в «Литературной газете», журналах «Русская литература», «Октябрь», «Волга», «Филологические науки».

«Дело моей жизни» – так назвал П.А. Бугаенко свою последнюю книгу, вышедшую уже

после его смерти, в 1985 г., в Приволжском книжном издательстве. Автор 10 монографий, более 100 статей и рецензий, в последней книге он выступил и как мемуарист, запечатлевший своё время, встречи с писателями, черты литературной жизни за 50 лет. Современный читатель книги заметит, может быть, с досадой или сочувствием автору, как сильна автоцензура, как много выражено намёком или вообще опущено. (В эти же годы Ю. Трифонов назвал свой роман «Время и место» романом-пунктиром.) Но если бы знал этот читатель, как мы, ученики Павла Андреевича (редактор Л.Н. Сабурова, директор издательства П.И. Ефимов и я), готовили книгу к печати, он сильно бы удивился. Пришлось отбить около двадцати цензурных придирок – иногда опасных («Как мог Луначарский спорить с Лениным?»), иногда смешных («Как это автор пишет, что ограду с могилы Чернышевского задвинули в кусты? На что он намекает?»).

Павел Андреевич жил и умер в страшное, по существу, время. Многое изнутри этого времени казалось ему иным, чем было на самом деле. Только самые близкие люди знали, с какой силой переживал он крушение иллюзий, как давалось ему самостояние. Сюжет для большого романа: русский интеллигент, стремящийся «быть содеятелем грандиозного дела», лично честный, лишённый цинизма, упорно отыскивающий в трясине лжи и фальши островки твёрдой земли, на которой можно строить, можно сеять семена живого, потому что по природе он не скептик, не отрицатель, а труженик. С годами всё больше убеждаешься, как важен не скорый суд, а медленное понимание. Хотя порой и очень горько видеть в коллективном заблуждении долю своей вины, вины своих учителей.

Павел Андреевич Бугаенко – учёный, литератор, педагог – много содействовал развитию культуры, формированию творческих умов, росту уважения к науке. Дело *его* жизни влилось в созидательное дело жизни общей.

Примечания

- 1 См. подр.: Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / Под ред. Е.Г. Елиной, Л.Е. Герасимовой, Е.Г. Трубецковой. Саратов, 2003.
- 2 Из переписки Ю.Г. Оксмана / Вступ. статья и примеч. М.О. Чудаковой и Е.А. Тоддеса // Четвёртые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига, 1988. С. 110.

Л.Е. Герасимова